

Тимофей Шерудило

ИДЕИ и ЛЮДИ

2022 — 2026

18+

Тимофей Шерудило

Идеи и люди

«Автор»

2026

Шерудило Т. А.

Идеи и люди / Т. А. Шерудило — «Автор», 2026

Родина большей части идей, в кругу которых мы с вами живем и действуем — в XVII столетии. Волны мыслей порождают новые волны, им противодействующие, и так, пластами взаимных утверждений и отрицаний, мировоззрения громоздятся друг на друга — через XVIII и XIX века доходя до столетия всеобщего разрушения, двадцатого. Эти мировоззрения в основном известны нам понаслышке, в формах, подхваченных и искаженных пропагандой (могущественнейшей силой наших дней). К их истокам, смыслам, а не названиям (к которым сводится дело для современного ума, мыслящего словами, а не сущностями), было бы полезно вернуться. Присмотримся повнимательнее к ныне живущим мировоззрениям в их исходном состоянии, еще не искаженном и уплощенном пропагандой и «высшим образованием», т. е. знанием имен вещей. Сумерки этих мировоззрений мы видим сегодня.

© Шерудило Т. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1

5

Тимофей Шерудило

Идеи и люди

Глава 1

Разговор о круге мыслителей, повлиявших на наше мировоззрение, можно начать с Бэкона.

Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский (1561—1626), может быть назван отцом современной науки, точнее сказать — ее способа рассуждений. В России при «новом порядке» Бэкон именовался «родоначальником английского материализма», но это скорее упрощение. Бэкон одобряет Демокрита с его неуничтожимыми атомами, говорит о саморазвивающейся материи, но на вопрос об источнике мирового порядка отвечает иногда неуверенно: «или материя, или акт творения, точно не знаю», иногда явно решая вопрос в пользу божества.

Бэкон заложил основы опытной науки и мировоззрения, основанного исключительно на опытах, и все, опытным путем не подтверждаемое, исключаяющего. В этом отношении он более чем современен, причем как в добром (то, что мы называем научным методом исследования, было предложено Бэконом), так и в дурном (в бэконовой системе изучения природы не нашлось места человеку). Его взгляды определили направление умственного развития европейцев на несколько столетий.

Поговорим о нем подробнее. Рассматривая взгляды Бэкона, я буду ссылаться на обобщения его философии, сделанные в XIX веке Куно Фишером. ¹

Бэкон рассматривает вещи со стороны «образа действия», не «цели». Мысль о цели он отодвигает как можно дальше, за пределы ума, хотя и не отказывается от нее совсем. «Метафизика, вторгаясь в область науки, производит большие опустошения, так пусть ограничивается своей областью». При этом суть метафизики, отличие ее от просто физики Бэкон выражает ясно: «Физика предполагает в природе только простое существование, движение и естественную необходимость, между тем как метафизика предполагает, кроме того, намерение и идею». ²

Позитивизм, проповеданный в начале XIX в. Контом, можно назвать прямым потомком бэконизма. Позитивизм презирает метафизику, а точнее сказать, не интересуется ей. Это в одно время и обедняет ум, и освобождает его от соблазна построить метафизику на «чисто научных основах». Позитивист ни во что не верует, не увлекаясь в том числе (и это его достоинство) религиозными построениями отрицательного характера, деятельным безбожием, проповедью материализма. Таков Бэкон. Он просто не упражняет свой ум в метафизической области.

Но «наука без мысли» — скорее побочное детище бэконизма. Бэкон, как говорится в предисловии к изданному в России до 1917 г. собранию его сочинений, «стремился отдать в распоряжение человечества *новое орудие власти и господства над миром*»; основная идея его — «преобразование наук с целью *подчинить природу*». Ради этого он отбрасывает всю прежнюю философию как бессильное учение, влияющее только на внутреннюю жизнь философа, тогда как философия должна «преобразовывать мир». В этом он — предшественник советского «официального титанизма», как называл борьбу «нового порядка» с природой, если не ошибаюсь, Петр Струве, да и всего европо-американского мира в XX веке.

¹ К. Фишер, *Реальная философия и ее вѣкъ. Францискъ Бэконъ*. СПб., 1870.

² *Великое возрождение наук*.

Бэкон яростно нападает на философию Платона и Аристотеля. Часто он с отвращением говорит о древней философии вообще (за исключением Демокрита). Слог его нападок на древних авторов напоминает Ленина: «трескотня Аристотеля и напыщенность Платона»; «Платон... захотел подчинить природу мыслям человеческим, а Аристотель подчинить мысли словам. Философы того времени уже пристрастились к спорам и болтовне, и стали пренебрегать серьезным исследованием истины»; «греческая мудрость отзывалась учительским тоном и разводилась бесконечными словопрениями, занятиям в высшей степени предосудительным для исследования истины»...

Откуда эта ненависть? Сам Бэкон говорит нам, что древняя философия гроша ломаного не стоит, потому что не имела практического применения:

«Изъ всѣхъ признаковъ, дающихъ намъ возможность оцѣнить эти ученія, самый несомнѣнный и самый замѣтный есть приносимая ими польза; ибо, польза и дѣло служатъ какъ бы свидѣтельствомъ и порукой вѣрности теорій. Какіе же плоды принесли эти философскія умозрѣнія Грековъ и ихъ примѣненія въ частныхъ наукахъ? За весь этотъ періодъ, состоящій изъ многихъ столѣтій, едва ли можно привести хоть одинъ опытъ, имѣющій цѣлью улучшить положеніе человѣка, опытъ, которымъ мы были бы дѣйствительно обязаны всѣмъ этимъ умозрѣніямъ и философскимъ догматамъ». 3³

И в другом месте о том же:

«Религиозный принципъ, требующій, чтобы вѣра сопровождалась дѣлами, необходимо долженъ быть примѣненъ и къ философіи. Послѣднюю слѣдуетъ судить по приносимымъ ею плодамъ, и въ случаѣ бесплодности, отвергать ее, в особенности когда, вмѣсто оливъ и виноградныхъ гроздей, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нее, она, путемъ споровъ и преній, производитъ только одинъ шиповникъ да чертополохъ». 4⁴

Что толку, согласно Бэкону, в «началах вещей», «крайних рубежах», когда «истинная польза... может вытекать только из познания срединных истин»? Так можно «дойти и до атомов»: «до таких выводов, которые, предположив даже, что они основательны, не играют почти никакой роли в улучшении человеческого существования». Одним словом, философия должна быть утилитарной. Но это, вероятно, не вся правда.

Древняя философия в немалой, если не большей своей части занималась собиранием души, *благом души*. Для потерянного человека это внимание к душе должно казаться несносным морализмом, а Бэкон был человек вполне потерянный, когда речь не шла о его научных интересах. В этом он также вполне современен.

«Тѣмъ большая причина краснѣть ученымъ отъ стыда, — находим мы у Бэкона, — если, будучи по своимъ занятіямъ, словно легкокрылые ангелы, по страстямъ своимъ они походятъ на змѣй, пресмыкаясь по землѣ и влача по недостойнымъ путямъ души свои, подобныя, правда, зеркалу, но зеркалу запятненному». 5⁵

Пусть он не был змеем, но тип современного ученого, нередко не имеющего определенного нравственного лица, в нем вполне воплотился. Я не хочу сказать, что Бэкон был человек не нравственный и потому плохо мыслил. Может и был, но мы сейчас говорим о его мыслях. Бэконовскому отношению к внутреннему, к душе (как к маловажному) соответствует в его философии изгнание человека и человеческого из науки. И я говорю даже не о нравственности, а о «наклонении души». Оно у Бэкона противоречит всякой собранности, всякой сосредоточенности на внутреннем центре.

«Его сочиненія, какъ и его жизнь, — говорит Куно Фишер, — производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе: какъ будто для этого человѣка нѣтъ ничего тяжелаго ни въ томъ, что

³ *Новый Орган*. Здесь и далее по изданию: Бэконъ, *Собрание сочинений*. СПб., 1874.

⁴ Там же.

⁵ *Великое возрождение наук*.

нужно перенести, ни въ томъ что нужно сдѣлать. <...> Давидъ Юмъ былъ правъ, не находя въ характерѣ Бэкона той душевной крѣпости, которую мы называемъ силой нравственнаго сопротивленія. Мы не знаемъ философа, который былъ бы *эластичнѣе* Бэкона».

Эта эластичность помогла ему возвыситься и низвела его с достигнутой высоты.

«Бэконъ очень хорошо зналъ, — продолжает Фишер, — что подкупность судовъ — одно изъ величайшихъ золъ, какое можетъ терзать государство; однако же онъ терпѣлъ, что корона и чиновники вмѣшивались въ процессы и располагали судьей въ свою пользу, или въ пользу своихъ кліентовъ: однако же самъ Бэконъ дѣлалъ то, чего никогда бы не долженъ былъ терпѣть при своемъ правильномъ взглядѣ на вещи: онъ позволялъ подкупать себя и продавалъ свои судейскія рѣшенія. На этомъ противозаконномъ пути онъ, какъ говорятъ, собралъ большую добычу: его противники цѣнили ее въ 100.000 фунтовъ. Эта жадность имѣла свое основаніе не въ грязной жадности денегъ, а въ беззаботной и легкомысленной любви къ роскоши».

Забавно, что выведенные Бэкономъ в «Новой Атлантиде» чиновники идеального государства на предложение дополнительного вознаграждения с легкой укоризной отвечают: «Двойная оплата? Зачем? Мы уже получили награду за свой труд!»

Приписываемое Бэкону выражение *scientia potentia est*, ⁶ основанное на действительномъ его высказываніи: *scientia et potentia humana in idem coincidunt*, ⁷ можно было бы переделать: *scientia non est conscientia*. ⁸ Спустя века, когда ученый потерял свои нравственные основы, к этому все и пришло. Наука отдельно, а совесть, за редкими исключениями, отдельно. Что же касается Бэкона — онъ былъ только первымъ на этомъ пути.

Говоря о душевной собранности: характерны советы Бэкона ученому, которые так и хочется назвать советами карьериста. Впрочем, Бэконъ этого слова и не стесняется, называя новую область знанія «наукой о прокладываніи пути в жизни». Задержимся немного на этихъ советахъ.

Прежде всего, должно сделать свой умъ «гибкимъ, принаравливающимся къ средствамъ и обстоятельствамъ, освободить его отъ всякой жесткости и неповоротливости». Достигнувъ этой гибкости, ученый долженъ «взвѣшивать и оценивать все вещи согласно съ большимъ или меньшимъ влияніемъ, какое они могутъ оказать на его счастье». Бэконъ советуетъ далее:

«не дадимъ себя увлечь великодушію и высокими душевными движеніями къ предпріятіямъ, превышающимъ наши силы, и не станемъ, такъ сказать, грести противъ теченія».

Научившись «не грести противъ течения»,

«слѣдуетъ... внимательно смотрѣть кругомъ себя, чтобы видѣть, съ какой стороны открывается или закрывается проходъ, и ознакомиться со всѣми удобствами и затрудненіями, чтобы не измучиться понапрасну на непроходимомъ пути. При содѣйствіи такой предосторожности мы предохранимъ себя отъ неудачъ, не замѣшкаемся слишкомъ долго за однимъ дѣломъ, мы заслужимъ себѣ репутацію умѣренныхъ людей, мы оскорбимъ меньшее количество людей». ⁹

Философия «умеренности и аккуратности», не правда ли? Сверхъ сказаннаго, Бэконъ советуетъ «не предпринимать ничего, что требуетъ много времени». Странно слышать такое от революціонера в области мысли. Бэконъ и в самомъ деле былъ очень «гибкимъ» человекомъ.

От человека перейдемъ къ мыслямъ.

Есть искаженія мысли, говоритъ Бэконъ, зависящія не отъ природы вещей, а отъ природы человека. Ихъ онъ называетъ «призраками» или, какъ иногда переводятъ, «идолами». Освободившись отъ этихъ призраковъ — условностей и ошибокъ мышленія, — «разумъ можетъ судить только посредствомъ индукціи и ее законныхъ формъ».

⁶ Знаніе — сила.

⁷ Человѣческое знаніе и могущество совпадаютъ воедино.

⁸ Знаніе — не совесть.

⁹ Великое возрожденіе наукъ.

Во-первых, он призывает отвергнуть авторитеты — *idola theatri*. Послушаем Куно Фишера:

«Что выйдет из нашего созерцания вещей по исключении всех исторически авторизованных систем и преданий (*idola theatri*)? ... Будучи независимо от авторитета, наше созерцание обращается в *автотипию*, в *собственное воззрение*, которое не принимает и не повторяет на веру то, что говорят или признают за истину другие, а с убеждением утверждает то, что оно само дознало и восприняло».

Чисто умозрительно — хорошо было бы ничего не принимать на веру. Но в повседневной жизни ученый принимает на веру большую часть своего умственного багажа. «Сам дознает и воспринимает» он, если удастся, жалкие крупинки познаний. Все остальное — вопрос веры. Отвержение авторитетов в жизни настоящего, а не выдуманного ученого может быть однократным или *изредка* повторяющимся действием. Так отмечается (большинством) религиозное миропонимание; отменяются прежние авторитеты во времена смены господствующих представлений. Но это акт редкий, если не однократный, как сказано выше. На протяжении большей части своей жизни и по отношению к большей части вещей ученый проявляет *веру, а не сомнение* — хотя есть безусловно, и исключения.

Другой род «идолов» — *idola fori*. Говоря об «идолах форума», Бэкон имеет в виду власть языка над суждениями. Снова Куно Фишер:

«Мы думаем, что твердо знаем их <вещей> значение, потому что имеем для них знаки, которые и выдаем за их смысл. Эти знаки вещей суть их имена и слова, с которыми мы раньше знакомимся, чем с природой самих вещей: при помощи их люди сообщают друг другу свои представления вещей. Привыкнув с детства вместо вещей ставить слова, быть каждому понятным помощью этих слов, мы невольно принимаем слова за вещи, знаки вещей за самые вещи, номинальную цену за реальную. Слова суть как-бы ходячая монета, которою выдаются и принимаются *представления* вещей в общественных сношениях: они как *деньги в торговлю*, составляют не вещественную и натуральную, а условную цену вещей, устанавливаемую обстоятельствами человеческих сношений. Мы должны остерегаться, чтобы не принять эту рыночную цену за вещь; для самой вещи она составляет совершенно внешнее и постороннее определение».

Здесь критика Бэкона совершенно обоснована. «Мышление словами» — настоящий бич гуманитарного знания, как оно выглядит в послесоветской России. Слова сталкиваются между собой и разлетаются, из слов создаются целые постройки, но ни единого шага вглубь изучаемого предмета такой «мыслитель» не делает. Приводить примеры этого рода «учености» можно бесконечно. 10¹⁰

Третий род идолов — идолы рода (человеческого) или племени (*idola tribus*). Это как раз врожденные человеку формы мышления, которые существуют прежде всякого наблюдения и опыта. «Ум человеческий, — говорит Бэкон, — сходный с зеркалом, ломающим лучи, идущие от предметов, и примешивающий собственную свою природу к природе вещей, искажает, так сказать, искривляет и обезображивает все отражаемые им образы». 11¹¹

¹⁰ Вот один недавний: «Цель исследования — выявить механизм оценки произведения изобразительного искусства как визуального артефакта читателем англоязычного художественного текста. Изучаются функции интерпретации визуального образа в художественном тексте, его перекодирование на вербальный уровень. Научная новизна исследования заключается в том, что феномен оценки трактуется как трехместный предикат с тремя аргументами, а также предлагается языковая репрезентация различных способов представления данных аргументов. По результатам анализа фактического материала на английском языке осуществляется изучение способов языковой репрезентации оценки или языковых способов её отражения. Полученные результаты показали единообразие репрезентации субъекта оценки и диверсификацию реализации второго и третьего аргумента. Оценочный процесс основывается на привлечении определенных языковых средств для описания коммуникативно-прагматической ситуации в художественном тексте».

¹¹ *Новый Орган*.

Наблюдатель искажает наблюдаемое. Человек постоянно «присоединяет к природе вещей собственные свои свойства и кладет на них свой отпечаток». Следовательно, наблюдатель должен быть по возможности устранен из наблюдений. С точки зрения «метода» — безупречно. С другой стороны, это основа разрыва между наукой и всем человеческим, начало пути к *бесчеловечной науке*, а кроме того — причина ущербности наук о человеке, даже отсутствия их на протяжении долгого времени. Человеческая природа ограничивает мысль, следовательно, надо исключить эту природу из мышления, научиться мыслить *бесчеловечно*.

Изучение человека началось при самом конце эпохи механистического понимания мира — и тоже стало механистическим. Изучаемого наукой «человека» оживлял моторчик «пола» или «общественных отношений»... Психология стала поздним ребенком и не совсем удачным; то же самое можно сказать об антропологии. Увидим, что будет дальше.

Четвертая разновидность «идолов», *idola specus*, «идолы пещеры», примыкает к «идолам племени». Бэкон говорит о них: Призраки

«пещеры принадлежат индивидуальному человеку, ибо, помимо отклонений, свойственных вообще природе человеческой, каждый человек обладает как бы вертепом, индивидуальной пещерой, ломающей и искажающей естественный свет вследствие различных причин, а именно: особенной, свойственной каждому человеку природы, воспитания, разговоров, чтения, общества, влияния лиц, которым удивляются и поклоняются, наконец, разнообразия впечатлений, производимых одними и теми же предметами, смотря по тому, встречаются ли они умом озабоченный и уже живо пораженный другими предметами, или ум спокойный и окрепший; так что, вследствие крайнего неравенства, изменчивости, неправильности естественного устройства ума человеческого, рассматриваемого в различных лицах, самобытные проявления его являются почти целиком продуктом случая». 12¹²

Иначе говоря: *личность ограничивает человека*. Чтобы исключить ее искажающее влияние, добиться точности мнений и их выражения, наука должна освободиться от всего личного, стать безличной. Обратная сторона этого обезличивания та же, о какой было сказано выше. Наука освободилась от человека.

Ученый, освободившийся от власти «идолов», принимает на себя такое, по словам Куно Фишера, обязательство: «отказаться от всех понятий, которые почерпнуты им не из природы вещей, а из своей собственной». Как программа — прекрасно, но это такое мышление, которого *не бывает*. Сами по себе факты — россыпь уединенных событий, объединяет их только умозрение, то есть деятельность рассудка и воображения. «Никакая натурфилософия, — говорит Александр Любищев, — не может избежать априорных постулатов, которые приходится принимать на веру».

В качестве единственного способа познания Бэкон предлагает *индукцию* или, по-русски, *наведение*, т. е. умозаключение от частного к общему, однако не простую, известную задолго до него, а подчиненную «правильному методу»:

«Сделать три обзора всех известных случаев проявления известного свойства у разных предметов: обзор положительных случаев, обзор отрицательных (т. е. обзор предметов сходных с первыми, в которых, однако, исследуемое свойство отсутствует) и обзор случаев, в которых исследуемое свойство проявляется в различных степенях, и отсюда делать уже обобщение». 13¹³

Главное отличие «правильной» индукции — ее внимание к отрицательным, не подтверждающим наши предположения случаям. Правильное «наведение» — то, которое подтверждается всеми случаями, а не только некоторыми. Возможен вопрос: все ли случаи последовательно воспроизводятся при равенстве обстоятельств? Нет. Такими невозпроизводимыми

¹² Там же.

¹³ Словарь Брокгауза—Эфрона, статья «Индукция».

случаями изобилует человеческая жизнь, она сама есть *невоспроизводящийся случай*. Нельзя в ходе правильного, методического опыта смешивать огорчения, славу, ум и талант, ошибки и неизвинительные проступки — и получать каждый раз в итоге «Братьев Карамазовых». Еще одна причина, по которой «правильное» познание не обращает внимания на человека, объясняя его — когда ей доводится это делать — неубедительным ни для кого образом.

Бэкон приводит беспроницаемый, на его взгляд, пример с храмом и украшающими его стены приношениями спасенных богом-покровителем:

«Умъ человѣскій, по природѣ своей, живѣе и сильнѣе поражается положительными и дѣятельными мнѣніями, чѣмъ недѣятельными и отрицательными, хотя, по здравому смыслу, ему слѣдовало бы подчиняться одинаково тѣмъ и другимъ. Но подѣ влияніемъ совершенно противоположнаго расположенія, достаточно, чтобы явленіе по временамъ имѣло мѣсто, чтобы умъ получилъ въ этомъ отношеніи болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое онъ получилъ бы въ противоположномъ смыслѣ, если бы явленіе обманывало его ожиданіе, или если бы чаще случалось противоположное, что и служить источникомъ всякаго суевѣрія и легковѣрія. Поэтому, весьма уменъ отвѣтъ того человѣка, который, глядя на повѣшенные въ храмѣ портреты людей, давшихъ обѣтъ среди опасности и исполнившихъ его послѣ спасенія отъ кораблекрушенія, на предложенный ему вопросъ: «Ну, а теперь признаете ли вы богомъ Нептуна?» отвѣчалъ: «Разумеется! но гдѣ же портреты тѣхъ людей, которые тоже сдѣлали обѣтъ, но тѣмъ не менѣе погибли»? То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ подобныхъ суевѣріяхъ, какъ мечтанія астрологіи, таинственныя силы, предзнаменованія и другія такія же выдумки». 14¹⁴

И делает вывод: если бы мы знали число *отрицательных случаев*, мы не молились бы в этом храме. Но это же любимый пример атеистов. Таким образом можно уничтожить любую религию (почему атеисты и любят этот способ рассуждений). Но чтобы высказывать такие мысли, не обязательно быть неверующим. Деист вроде Руссо тоже считает молитву в истинном смысле (как просьбу к божеству) бесполезной, т. к. ход вещей предопределен — можно только «возноситься мыслями и созерцать божественное величие».

Да и любое знание о человеке этим способом уничтожается (скажем, вдохновение бывает и имеет определенные признаки, но в большинстве случаев признаки эти ложны, а «вдохновенные» — обычные дураки или гимназисты, чем бытие вдохновения не опровергается). Возможен, однако, вопрос: насколько доказательны отрицательные примеры? Нет ли за ними других причин, нам еще неизвестных? Что, если за каждым следствием стоит не одна причина? Не говоря уже о том, что боги, как мы их понимаем — существа живые, разумные и обладающие свободой воли, т. е. отвечающие не на все просьбы.

Говоря об отношении Бэкона к религии, надо заметить, что он, во всяком случае, не догматический атеист. Его речи — скорее речи деиста:

«Я скорѣе готовъ повѣрить всѣмъ баснямъ Легенды, Талмуда и Алкорана, нежели согласиться съ тѣмъ, чтобы великая машина вселенной, въ которой я вижу такой вѣчный порядокъ, дѣйствовала сама собой, безъ всякаго участія въ ней какого-либо разума. Вотъ почему Богъ никогда не прибѣгалъ къ чудесамъ для вразумленія атеистовъ, такъ какъ самыя дѣянія его служили для нихъ видимымъ и непрерывнымъ доказательствомъ его существованія. Поверхностная философія, быть можетъ, и склоняетъ нѣсколько къ атеизму, но болѣе глубокое міросозерцаніе приводитъ къ познанію Бога». 15¹⁵

Однако это «познание Бога» изгоняется из науки, как и всякая метафизика. «Познавать» можно только механические движения материи; дух и цели выводятся за пределы познания. Толковать это можно двояко. Из этого разделения может выйти как честный позитивизм, не

¹⁴ *Новый Орган.*

¹⁵ *Нравственные и политические очерки.*

строящий метафизических предположений, так и воинственный материализм, готовый поверить в самое чудесное, лишь бы оно исключало Бога. Так оно и получилось впоследствии.

Вообще у Бэкона много мыслей о религии, причем не только там, где читатель ожидает их встретить.

«Вовсе не безпорочная и безупречная наука эта, святой даръ природы, свѣтомъ своимъ содѣйствовавшая Адаму въ назначеніи имени каждому предмету, <...> вовсе не наука эта была причиной и поводомъ его паденія, но высокомерное и гордое покушеніе этой науки стать судьей добра и зла съ цѣлью возмутиться противъ Бога и предписать самой себѣ законы. Вотъ въ чемъ состояли причина и поводъ его искушенія». 16¹⁶

Божество, говорит Бэкон чуть дальше, радо играть с нами в прятки:

«Какъ будто бы божественная природа радовалась той невинной игрой дѣтей, которыя прячутся для того, чтобы нашли ихъ только послѣ долгихъ поисковъ, и какъ будто бы она желала, въ силу своей снисходительности и внимательности къ людямъ, чтобы душа человѣческая играла съ ней въ ту же игру». 17¹⁷

И продолжает:

«Самъ Спаситель говорить намъ: «Заблуждаетесь, не зная Писаній, ни могущества Божія». Этими словами онъ приглашаетъ насъ перелистывать двѣ книги, чтобы не впасть в заблуждение. Одна состоит изъ Священнаго Писанія, раскрывающая волю Божию, а другая изъ твореній, свидѣтельствующая о его могуществѣ. Послѣдняя книга служитъ ключомъ первой, и имѣетъ то преимущество, что не только раскрываетъ разумъ, дѣлая его способнымъ постигать истинный духъ Писанія по общимъ законамъ ума и правиламъ рѣчи, но и развиваетъ вѣру и погружаетъ насъ въ болѣе глубокія размышленія о могуществѣ Божіемъ, слѣды котораго въ особенности отпечатаны на его твореніяхъ». 18¹⁸

Такие мысли не говорят о внутренней религиозности и напоминают нам скорее Ломоносова с его «размышлениями о Божием величестве при случае великого северного сияния», но все же обличают привычку думать о божественном. А следующий пассаж говорит и о внимании к Богу «внутри» нашей жизни:

«...Хотя советы и определения Бога до того неясны, что недостойны для животного человека, хотя они нередко скрыты для глаз даже того, кто из скинии старается разгадать их, тем не менее божественной мудрости благоугодно было, как для укрепления верующих, так и для смущения тех, кто ходит, так сказать, без Бога в этом мире, написать их большими буквами и сделать их столь явственными, чтобы каждый человек, говоря словами пророка, «мог второпях прочесть их:» то есть, чтобы люди вполне чувственные и сластолюбивые, легкомысленно пренебрегающие божеские веления и никогда не останавливающие на них мысли, вынуждены были признать их даже среди своей рассеянной и пустой жизни. Таковыми являются запоздавшие и внезапные возмездия, быстрые и неожиданные обращения, божественные советы, которые, после долгих и извилистых отклонений внезапно обнаруживаются, не только внесением утешения в душу верующих, но убеждением и поражением совести нечестивых». 19¹⁹

То же самое он на других страницах выражает кратко:

«Цѣли Провидѣнія совершаются уклоненіями и обходами, такъ что то, что кажется намъ совершающимся, совершенно не похоже на то, что дѣйствительно происходитъ». 20²⁰

Глубоко его замечание об эпикуровом атеизме:

¹⁶ О достоинстве и об усовершенствовании наук.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Великое возрождение наук.

¹⁹ Великое возрождение наук.

²⁰ Там же.

«Эпикуръ несомнѣнно не только говорить языкомъ нечестивымъ, но по моему мнѣнію просто бредить, утверждая, что «лучше вѣрить въ басню боговъ, чѣмъ предполагать судьбу»: какъ будто можетъ существовать въ мірѣ нѣчто подобное острову, отдѣленное отъ великой цѣпи существъ. Но Эпикуръ, какъ это видно изъ собственныхъ его словъ, приспособлялъ и подчинялъ свою естественную философію своей нравственности, не желая допускать ни одного мнѣнія, которое бы могло опечалить и беспокоить душу и возмутить то нравственное спокойствіе, идею котораго передалъ ему Демокритъ. Вот почему болѣе пристрастный къ убаюкиванію души сладостными представленіями, чѣмъ способный къ перенесенію истины, онъ совершенно страхнулъ съ себя иго, и отвергъ необходимость судьбы какъ и страхъ передъ богами». 21²¹

Признаюсь, и мне тоже кажется, что признавая богов, мы должны признавать и судьбу — как самостоятельную ли силу, или как равнодействующую божественной воли...

И другое — очень важное и верное, так оно и сейчас обстоит:

«Существованіе Бога осмѣливаются отрицать только тѣ люди, которые считаютъ выгоднымъ для себя его несуществованіе; что атеизмъ болѣе у нихъ на губахъ, нежели въ сердцахъ, это доказывается тѣмъ, что безбожники такъ любятъ говорить о своемъ мнѣніи: они какъ будто стараются опереться на одобреніе другихъ, чтобы въ немъ укрѣпиться. Есть даже и такіе между ними, которые желаютъ приобрѣсть послѣдователей, и проповѣдуютъ свое мнѣніе съ неменьшимъ энтузіазмомъ и фанатизмомъ, чѣмъ ересеначальники, словомъ, атеизмъ имѣетъ своихъ миссіонеровъ, какъ и религія; мало того, онъ имѣетъ своихъ мучениковъ, охотнѣе соглашающихся перенести самую ужасную казнь, нежели отказаться отъ своего убѣжденія. Если бы они были настоящимъ образомъ увѣрены въ несуществованіи Бога, то съ этимъ отрицаніемъ они все бы покончили, и имъ нечего было бы спорить; къ чѣму же такъ волноваться из-за отрицательнаго мнѣнія?» 22²²

Едва ли все это простая «манера выражаться», словесные украшения, свойственные тому времени. Если не внутренняя религиозность (о которой судить со стороны затруднительно), то привычка мыслить о религиозных предметах у Бэкона несомненна. Более того — раз уж мы заговорили о «материализме» или, напротив, религиозности (а обычно это вещи противоположные) Бэкона, он вполне серьезно рассматривает научное исследование мира духов:

«Совсѣмъ иное представляетъ изученіе природы ангеловъ и духовъ, познаніе которыхъ является ни невозможнымъ, ни запрещеннымъ, познаніе, которому чаще всего самое сродство природы этихъ духовъ съ душою человѣка открываетъ дорогу. <...> Запрещеніе же изученія природы демоновъ въ теологіи такъ же неумѣстно, какъ изученіе ядовъ въ физикѣ или пороковъ въ нравственности». 23²³

Отказавшись от «мышления словами», обратившись к опыту и правильным заключениям на основе опыта, ученый может понять «настоящую природу мира». Это и связанные выражения повторяются Бэконом беспрестанно: «настоящая природа действительного мира», «верная копия мира», «копия с вселенной, и притом такой вселенной, какая существует в действительности, а не той, которая представляется тому или другому человеку по внушению одного только собственного его разума»...

Это убеждение в прозрачности, познаваемости «действительного мира» — новая вера, проповеданная Бэконом. Она исключает сомнения и не имеет рациональных оснований. Впрочем, эта вера — употребим слово, котораго, кажется, бэконовская эпоха еще не знала — *антиномична*. С одной стороны, она требует сомнения во всем, что человек знал (или ему казалось,

²¹ Там же.

²² *Нравственные и политические очерки*.

²³ *Великое возрождение наук*.

будто знал) о природе прежде. С другой, она исключает сомнения в верности истолкований знаков, подаваемых природой, при условии соблюдения «правильного метода».

А вера в то, что всякий поданный природой знак может быть однозначно истолкован нашим умом, и это толкование будет единственно верным — ничуть не лучше так возмущавшей Ницше крови святого Януария, вскипающей в пробирке в определенные дни. Хуже того: эти истолкования могут быть побеждающе удачными в малом и сокрушительно ложными в большом.

Напрасно Куно Фишер говорит о «сомнении» как корне бэконовского метода: «В противоположность идолам и предрассудкам, откуда бы они ни происходили, наука начинает с сомнения и совершенного неведения. Сомнение образует исходную точку науки, а не ее цель; цель есть достоверное и основательное познание».

Сомнение допускается Бэконом ненадолго, только чтобы разорвать связь с прежней культурой, затем упраздняется. Индукция провозглашается верной указательницей истин. Тогда как на пути индуктивного мышления каждое следующее обобщение не вполне необходимо: оно выбирается из нескольких вероятных. Эрнест Радлов в статье об индукции говорит:

«Индуктивныя заключенія легко ведутъ къ ошибкамъ, изъ которыхъ самыя обычныя проистекають отъ множественности причинъ и отъ смѣшенія временнаго порядка съ причиннымъ. Въ индуктивномъ изслѣдованіи мы всегда имѣемъ дѣло со слѣдствіями, къ которымъ должно подыскать причины; находка ихъ называется объясненіемъ явленія, но извѣстное слѣдствіе можетъ быть вызвано цѣлымъ рядомъ различныхъ причинъ; талантливость индуктивнаго изслѣдователя въ томъ и заключается, что онъ постепенно изъ множества логическихъ возможностей выбираетъ лишь ту, которая реально возможна. Для человѣческаго ограниченнаго познания, конечно, различныя причины могутъ произвести одно и тоже явленіе; но полное адекватное познание въ этомъ явленіи умѣетъ усмотрѣть признаки, указывающіе на происхожденіе его лишь отъ одной возможной причины. Временное чередованіе явленій служить всегда указаніемъ на возможную причинную связь, но не всякое чередованіе явленій, хотя бы и правильно повторяющееся, непременно должно быть понято какъ причинная связь. Весьма часто мы заключаемъ *post hoc — ergo propter hoc*, такимъ путемъ возникли всѣ суевѣрія, но здѣсь же и правильное указаніе для индуктивнаго вывода». 24²⁴

Речь, как мы видим, идет о создании не «верной копии мира», но его образа, достоверность которого может быть проверена только отчасти. Это не тайна; но забывая это правило, ученый приходит к уверенности, что уж ему-то, в отличие от священников и философов, доступна «Истина».

А возможно ли вообще «достоверное» и незамутненное «человеческим» познание? Прежде науки лежат идеи, усвоенные нами вместе с нашим языком (язык есть средство мышления и выражения одновременно), так что никакого «неведения» не бывает. Известное представление о вещах заложено уже в языке. Это представление приходится преодолевать ради все более точных формулировок, но вполне преодолеть его — невозможно. Далее, прежде «познания» мы уже имеем сложившуюся душевную жизнь (см. ниже слова Вольфганга Паули). И наконец, никто не начинает физического опыта без самого смутного хотя бы представления о том, что он делает и какого рода результат он рассчитывает получить. Идеи Бэкона потому и оказались так притягательно-плодотворны, что суть *неполная истина*.

Нет окна, через которое можно было бы «заглянуть внутрь природы». Факты бессвязны и, строго говоря, загадочны; только рассудок и воображение соединяют их воедино. Физик В. Паули в середине XX века определял «физическое знание как встречу внутренних психологи-

²⁴ Словарь Брокгауза—Эфрона. Т. XIII.

ческих образов и внешних фактов». 25²⁵ Я же думаю, что уже «факт» есть наполовину явление нашей внутренней жизни, плод отбора, оценки и некоторого истолкования.

Что же касается «опыта», он проясняет только те вещи, которые поддаются повторению в лаборатории. В любом широком мировоззрении факты служат только подпорками для теорий. Всегда есть достаточное число «фактов», которые могут поддержать другую теорию, и именно благодаря этим сомнительным «фактам» меняются со временем научные представления. Если бы в самом деле существовало «бесосновное мышление», выводящее «истины» из «фактов» с несомненностью таблицы умножения — не было бы и развития науки. В том и дело, что между «миром» вне исследователя и «фактами» в его уме (а «факт» есть не всякое явление, а только замеченное и истолкованное) — разрыв, серая туманная область, в которой правят *ум* и *воображение*. Подбор, объединение, истолкование фактов — не автоматическое письмо под диктовку «природы вещей», но творческий труд.

Николай Страхов приводит любопытные высказывания Клода Бернара, французского физиолога XIX в., именно об этом: о соотношении «опыта» и «идей». Из фактов, согласно Бернару, не следует волшебным образом никаких истин. Больше того: факты могут быть известны и притом не вызывать ни малейшего отклика в уме ученых. Индукция не указчица истины; истину ищет *ум*, пользуясь чувством и рассуждением.

«Въ опытномъ методѣ, какъ и во всемъ другомъ, единственный дѣйствительный критерій есть разумъ» (стр. 69). Бернарь дѣлаетъ такое утверждение въ противоположность чистымъ эмпирикамъ, которые думаютъ, что мы можемъ научиться и руководиться одними фактами. «Фактъ самъ по себѣ ничто» (стр. 69). «Въ изыскании истины *чувству* всегда принадлежитъ инициатива». «Въ самомъ дѣлѣ, самая великія истины суть только *чувствование* нашего ума» (стр. 36). «Какъ въ другихъ дѣйствіяхъ человѣческихъ, чувство заставляетъ дѣйствовать, *порождая идею*, составляющую мотивъ дѣйствія, такъ точно и въ опытномъ методѣ, чувству принадлежитъ инициатива посредствомъ идеи. Одно лишь чувство направляетъ умъ и составляетъ *primum movens* науки. Геній есть то же, что тонкое чувство, вѣрно предчувствующее законы явлений природы» (стр. 53). «Идея есть двигатель всякаго разсужденія въ наукѣ, какъ и въ всемъ другомъ» (стр. 51).

«Если бы факты необходимымъ образомъ порождали идеи, то каждый новый фактъ долженъ бы былъ порождать новую идею. Но есть факты, которые ничего не говорятъ уму наибольшаго числа людей, тогда какъ для другихъ они свѣтоносны. Случается даже, что какой-нибудь фактъ, или какое-нибудь наблюдение долгое время остается передъ глазами ученаго, не внушая ему ничего; потомъ вдругъ является лучъ свѣта, и умъ истолковываетъ совершенно иначе, чѣмъ прежде, тотъ же самый фактъ и находитъ для него совершенно новыя отношенія. Тогда новая идея является съ *быстротою молніи*, какъ некоторое *внезапное откровеніе*, что ясно доказываетъ, что въ этомъ случаѣ открытіе основывается на чувствѣ вещей, не только личномъ, но даже извѣстнымъ образомъ связанномъ съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ субъектъ находится въ извѣстное время» (стр. 43)». 26²⁶

Еще из той же книги:

«Каждый человѣкъ», — говоритъ онъ, — «съ перваго взгляда составляетъ себѣ идеи о томъ, что он видитъ, и склоненъ истолковывать явленія природы по предубежденію, прежде чѣмъ узнаетъ ихъ по опыту. Это стремленіе — врожденное; предвзятая идея всегда была и всегда будетъ первымъ порывомъ исследующаго духа».

«Человѣкъ — по природѣ метафизикъ». «Образъ дѣйствія человѣческаго ума никогда въ сущности не измѣняется. Метафизикъ, схоластикъ и экспериментаторъ дѣйствуютъ по идеѣ а priori. Различіе состоитъ въ томъ, что схоластикъ считаетъ свою идею абсолютною истиною,

²⁵ Мария-Луиза фон Франц, *Психэ и Материя*. М., 2013.

²⁶ Н. Страховъ, *Философскіе очерки*. СПб., 1895.

которую он нашёл и изъ которой выводить потомъ с помощью одной логики всѣ послѣдствія. Экспериментаторъ, более скромный, ставитъ, напротивъ, свои идеи какъ вопросъ, какъ предвзятое объясненіе природы, изъ котораго логически выводить слѣдствія, сличая ихъ каждую минуту съ дѣйствительностію ѣпосредствомъ опыта» (стр. 34)». 27²⁷

Так умели думать еще ученые XIX столетия!

Обман зрения, которому поддался Бэкон, понятен. Если чистое умозрение не дает настоящего, действенного знания — нужно отказаться от умозрения вообще. За блестящими новыми истинами часто скрываются ошибки такого рода. Всякая односторонность всепобеждающа вначале. Но со временем бэконовская вера должна была неизбежно породить новых священников и первосвященников в церкви «фактов», не менее гордых и ограниченных, чем все прежние; новое «писание» с новым к нему слепым доверием, впрочем нет — более слепым, чем это было в случае христианской церкви.

«Не только религия, — говорит Любищев, — но и наука в лице своих выдающихся представителей не чужда суеверий и... они часто не сознают, что высказываемые ими как абсолютные истины положения по своей обоснованности ничуть не лучше тех нелепых догматов, которые выставляются религиями». 28²⁸

Бэкон создал учение сколь узкое, столь и плодотворное (а узость доктрины и прикладной ее успех связаны, достаточно вспомнить Маркса, Фрейда, Дарвина). Он открыл путь не только исследованию природы, но и объяснению духа через мертвые вещи. Был ли он «материалистом»? В точном смысле слова — нет. У него нет догматического воинственного атеизма. Он признаёт метафизику как отдельную область познания. Но изучать мир он готов только за вычетом духа.

Оборотной стороной культа опыта, проповедуемого Бэконом, стало изучение вопроса о достоверности этого опыта, которым занялись на родине Бэкона. Удивительным образом бэконовский восторг перед несущими истину «фактами» перешел в скептицизм Локка и Юма и впоследствии привел к Канту, показавшему границу «опыта». Это задержало на долгое время создание материалистической религии (или догматической философии) на британской почве, хотя к сожалению, к XX веку, с понижением общего уровня, и Британия пришла к религиозно понимаемому материализму. У народа же, склонного к вере, т. е. у французов — Бэкон рано породил истинно-религиозное мировоззрение, не задающееся вопросами о происхождении своих истин.

Далее. Бэконство ошибается: наука не создает «копии мира». Более того: у нее нет орудий, позволяющих заглянуть под покров явлений, чтобы узнать, «как все устроено». Все что в ее силах — строить правдоподобные предположения, работающие модели. Чем более сложные вопросы она затрагивает, тем меньше «окончательных истин» она добывает. Снова приведу слова Любищева:

«В понятие истины обязательно входит какое-то обобщение из фактов, а не сами изолированные факты, и критика понятия «абсолютная истина» заключается в том, что ни одно из положений, претендующих на звание вечной истины, никогда не бывает одновременно полно, достоверно и точно, и точные науки отличаются от неточных не тем, что они более достоверны, а тем, что они знают меру своей неточности». 29²⁹

Науке лучше всего удастся выяснить не «что», а «как» происходит, причем понимание этого «как» меняется со временем. Ученый, находящийся на указанном Бэконом пути, со временем начинает верить, будто из понимания образа действий природы в том или ином случае

²⁷ Там же.

²⁸ А. Любищев, *Наука и религия*. СПб., 2000.

²⁹ *Наука и религия*.

можно составить целую философию, объясняющую уже не образ действий, но «начала вещей» и «крайние рубежи», иными словами — начинает создавать материалистическую метафизику.

Сверх доступных опытному изучению «существования, движения и естественной необходимости» ученый начинает находить в природе «намерение и идею», начинает проповедовать «цели природы» (непреренно чтобы показать всю чуждость ее человеку). Я не хочу сказать, будто в природе нет намерений, идей и целей. Весьма вероятно, что есть. Но извлечь их из одного только опытного наблюдения невозможно. Бэкон не только не предлагает это делать, но прямо заявляет:

«Принципы, извлеченные из частных фактов, въ известномъ порядкѣ и при содѣйствіи метода, ведутъ легко къ новымъ частнымъ фактамъ», 30³⁰

а вовсе не к метафизическим построениям.

Между прочим, после слова «фактам» Бэкон прибавляет:

«и такимъ образомъ не даютъ заснуть наукамъ».

Замечание заставляющее задуматься. Не сон ли напал в наши дни на «науки»? «Принципы, извлеченные из частных фактов», перестали вести к новым частным фактам. Науки спят. Судорожная деятельность большинства их относится не к открытию новых фактов, а к прикладному применению старых, к чисто инженерным работам. Как будто наука достигла преграды, непреодолимой для «порядка и метода». Разумеется, это топтание на месте скрадывается чудесами массового производства, удивляющими потребителя, но оно есть.

Многие утверждения Бэкона двусмысленны, причем мы, видевшие XX век, понимаем это лучше, чем люди века XIX. Так, он утверждает:

«Истинно полезная индукция въ открытіи и въ научномъ доказательствѣ дѣлаетъ выборъ между наблюденіями и опытами, отдѣляя отъ избранной массы, путемъ надлежащихъ исключеній и отсѣченій, неубедительные факты; затѣмъ, установивъ достаточное число положеній, она останавливается на подтверждающихъ, и уже держится ихъ». 31³¹

Прислушайтесь: ученому предписывается отсечь «неубедительные факты», затем «остановиться на подтверждающих (фактах)» и их держать. Но это же рецепт жестко догматического мышления! Здесь и ответ на вопрос, который когда-то задавал Эрвин Шрёдингер: почему греческий ученый не враждовал (или *не обязательно* враждовал) с религией. С одной стороны, его религия не была исключительна и требовательна, т. е. допускала разнообразные объяснения божественных вещей. С другой стороны, отличие современного ученого от древнего в том, что его наука *тотальна*, т. е. допускает исследование только тех вещей, которые поддаются индукции, повторяющемуся опытному наблюдению, словом, «методу» — а все остальное отбрасывает. Все, неподдающееся индукции и опытному исследованию, признаётся или несущественным, или несуществующим. Религия, божественное первоначало и сам человек постепенно отходят в область несуществующего, призрачного, «неубедительных фактов».

«Польза», «могущество», «власть», «господство над природой» — любимые слова Бэкона. Не следует, говорит он, заниматься наукой ради чего бы то ни было, кроме желания «принести пользу и приложить ее к потребностям жизни». «Призвать и разбудить людей», по его выражению, стоит только «для нападения на самую природу вещей, для завоевания самых неприступных ее крепостей и для расширения (насколько допустит милость господня) границ человеческого могущества». У него нет иной цели, говорит в другом месте Бэкон, как только положить основы «счастья и величия человеческого»... Или вот еще: «Если найдется человек, все честолюбие которого состоит в распространении власти и могущества всего человеческого рода на целый мир, то такое честолюбие (если только можно дать ему такое название) есть самое чистое, самое благородное и самое широкое».

³⁰ Новый Орган.

³¹ Там же.

Бэкон предложил широчайшие возможности, причем сделал это вкрадчивым голосом, если не сказать — медоточивым, и венец этих возможностей — власть над миром. За ним не могли не пойти. Слово «власть» — волшебное для западно-европейца, и это нам следует заметить. Путь опасный и, надо думать, в значительной степени пройденный за прошедшие столетия. «Господство над природой» оказалось в значительной степени, чем дальше тем больше, разрушением природы. Погоня за «извлекаемыми из наук новыми удобствами» (также выражение Бэкона) оказалась бесконечной, не имеющей никакой разумной границы... Поставленная Бэконом цель превосходила и превосходит человеческие средства. Три столетия борьбы с природой показали, что мы и недостаточно разумны, и недостаточно сильны, чтобы «править миром».

В начертанной им программе были изначальные пороки, тень которых, чудовищно увеличенная, протянулась до наших дней. Бэкон верит, будто мы в силах «получать представления о них [предметах], соответствующие действительности; ибо Бог, без сомнения, не допустил бы, чтобы мы выдавали за верную копию мира простую мечту нашего воображения». В другом месте он повторяет: «проникнуть в настоящую природу действительного нашего мира, чтобы так сказать, разобрать его на части». Поскольку нет такого окна, через которое можно увидеть «настоящую природу», и нет такого ума, который в силах был бы понять увиденное — нет и речи о «верной копии мира» или «представлениях о предметах, соответствующих действительности». Мы строим правдоподобные предположения, подкрепляемые опытом — и не более.

Обратив науку на достижение власти над природой, Бэкон по необходимости дал ей вкус к работе с материей и только материей, а с течением времени — неизбежный материализм в качестве метафизики. Сам Бэкон говорил: «Изучите физику до конца, за ней откроется и метафизика». Увы, материалистическая метафизика открылась гораздо раньше. А материализм не только неплодотворная гипотеза, смысл которой в первую очередь в том, чтобы «заглушить сомнения в отсутствии целеполагающих начал в природе» (Любищев), но и подрывающая человеческое благополучие. Когда на Западе говорят *materialism just works*, имея в виду материальное процветание самых обезбоженных стран, забывают добавить, что «работает» он и подчиняя человека материальному, в итоге обесмысливая человеческую жизнь, лишая ее положительного содержания сверх погони за новыми «удобствами».

Пойдя за властью — как говорит сам «учитель», ради счастья и благополучия человека, — от человека наука отвернулась. Вот корни нынешнего положения дел. Человек сначала был (по христианскому преданию) понят как царь земли, ³² и наука честно трудилась для него, а потом — отказавшись от Бога, наука отказалась от человека, объяснив его игрой электрических токов и инстинктов. Ни до, ни после этого отказа наука не пыталась изучать человека и человеческое; такую попытку предприняла антропология в XX веке, но родившись под звездами Маркса и Фрейда, многого не достигла...

Бэконизм (понимаемое как поклонение тому опытному знанию, которое улучшает удобство жизни, и выведение всего неподдающегося лабораторному исследованию «за скобки») могло быть терпимо, только пока оно уравнивалось другими силами. Когда эти силы перестали действовать — победил предельно упрощенный утилитаризм ³³ с принципом

³² «Священное Писание, — говорит Бэкон, — человека признаёт образом Божиим, ставя его непосредственно вслед за Богом». Мысль общехристианская, лично Бэкону не принадлежащая, но понимаемая, без сомнений, с ограничениями места и времени: не просто человека, но *христианина и западно-европейца*. Из этой мысли вытекла вся история отношений Новой Европы с миром, непрерывный крестовый поход против всех неевропейских культур и против природы. «Потребление» и «нетерпимость» равно основываются на этом поставлении европейского христианина вслед за Богом. Как далеко это от язычников-стоиков, говоривших, что человеку на земле назначена некая «служба», приглядывание за миром... Новый европеец не «приглядывает» за миром, он его пожирает.

³³ Говорю «упрощенный», потому что, напр., такой столп утилитаризма, как Дж. Ст. Милль оговаривается, что под «пользой» понимает «пользу в самом широком смысле, основанную на продолжительном благополучии человека как существа,

«наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей». Бэконизм совершил свое течение до конца.

Есть у бэконизма и политическая или общественная сторона. Бэкон предлагал свою программу перед самым крахом Стюартов (в приближении которого, как подкупный судья, он лично, можно сказать, участвовал). После революции Маколей отмечает в Англии необычное явление: переход политической революционности в *научную*. Составление республиканских программ утомило умы. Монархия кажется прочной... Наука вытесняет политику. Я бы предположил, что здесь второй источник английского политического равновесия. Первый тот, о котором Конст. Леонтьев говорил: «Англия демократизовалась не во времени, а в пространстве» (отток недовольных в Америку). Умы определенного склада находят для себя занятие, в котором их ничто не стесняет. Большая свобода для научных занятий — но и дух большей терпимости с *обеих* сторон. Таким образом, в Англии «реализм» и идеализм жили бок о бок, относительно свободно. Это было плодотворно для культуры и полезно для государства. Можно сказать: начиная с Бэкона идет стояние европейского мира на нескольких разнородных, если не прямо друг другу враждебных опорах. В России именно эта сторона западной культуры плохо прививалась, русский человек усваивал науку *только* в сочетании с революцией. Нас губила несвойственная Западу вера в единственную истину. Правда, равновесие сил и на Западе было относительно недолгим.

Как все революционеры, Бэкон на место одной полуистины ставит другую. Полуистины действительны, пока новы. Так и бэконово учение приобрело и учеников, и успехи. Однако полуистина всегда отклоняется от «истины» (пусть та и недостижима), и чем дальше, тем больше это отклонение. Бэкон увел познание на путь изучения вещей, и на этом пути оно добилось почти чудесных успехов, но он же и поработил человека вещам. Конечные итоги этого порабощения мы наблюдаем. Человечество в условиях материального изобилия, напоминающего бэконову «Новую Атлантиду», но без мировоззрения, если не считать наспех соединенных предположений, вынесенных из лаборатории («материя способна к саморазвитию», «бесцельное блуждание эволюции создает новые органы и виды», «наш разум единствен и исключителен в бессмысленной вселенной»).

Плодотворной средней линией между *растворением ума во внешних вещах* и *чистыми умствованиями*, во внешних вещах не заинтересованными, было бы сохранение философской бодрости ума наравне с изучением внешнего мира. Эта средняя линия не состоялась, победил почти беспримесный материализм, умеряемый чуждыми ему силами (христианством и впоследствии романтизмом), однако невыполненное задание не отменяется, а только перекладывается на последующие поколения.

На нас и наших потомков.